екатерина
симонова

сад со льдом

русский гулливер

РУССКИЙ
ГУЛЛИВЕР

«Сад со льдом»... Что-то застывшее. Остановка в пути? Сбой дыхания? Средневековая красавица, зачарованно глядящаяся в серебряное зеркало и видящая там лишь самоё себя — или нет, пустую комнату?.. И да, и нет. Совпадение себя с собой — и, в то же мгновение, мимолётный шаг в сторону: чтобы образовался зазор для воздуха, для вздоха...

Стихи Екатерины Симоновой состоят, кажется, не из слов, обозначающих предметы, а словно бы из самих предметов: шершавых и странных, гладких или непонятных, утративших свой первоначальный смысл (а, может быть, наоборот, приобретших его — ведь разве является их бытовой, утилитарный смысл основным?) — но открытых и удивительных, как в детстве. Из ниточек, за которыми проглядывает грубая основа гобелена; из мелких деталек и позвонков, из привкуса ползущей по боку запотевшего стакана капли... Но главное — из того, что находится между ними. Из зазоров, в которых стоит, как вода, глубочайшее Молчание — из которого и рождаются все люди и вещи, сколько их ни есть на земле...

Читая эти стихи, забываешь о Времени, которое, как мы привыкли, мчит куда-то жирной однонаправленной стрелой; об Истории, спешащей вслед за ним по вектору. Забываешь — и начинаешь просто недоверчиво приглядываться в бессловесности к взлетающим и опускающимся качелям, к проблескам огня на стёклах маяка, к полёту бабочки или падению цветка акации — когда, как (опять же) в самом раннем детстве, все звуки разносятся далеко-далеко — но значат не больше (и не меньше), чем своё собственное дыхание.

По меткому замечанию неоплатоника Саллюстия, «миф — это то, чего никогда не было, никогда не будет, но есть всегда». Если пользоваться этим определением, то можно сказать, что стихи Симоновой полностью, насквозь мифологичны. Они находятся в пространстве того «всегда», из которого и состоит любое «сейчас» — или, если угодно, в пространстве того «сейчас», без которого никакое «всегда» немыслимо.

Алексей АФОНИН

Рукодельность — первое, что замечаешь в стихах Екатерины Симоновой. Но не в том «ругательном» качестве, с каким прикладывали это слово к женской поэзии в прошлом веке, мстительно подчёркивая именно его женскость, ограниченность полом (в смысле гендерную, а не полом без потолка). Нет-нет, здесь рукодельность имеется в лучшем своём явлении, заставляющем вспомнить, что всё человеческое, в отличие от Божеского и даже просто божественного, — сплошь РУКОдельно, руками сделано или взято. И в этих стихах РУКА так естественно прорастает в мир, даёт ему начало, выпускает его на волю, а, впрочем, и в смерть, в печальную конечность: «…волосы становятся длиннее реки, из вышитого воздуха выпархивает стрекоза».

И — да — поэзия Симоновой — это женский мир, опять-таки в самом ярком (как «детский мир») и вместе с тем философски громадном смысле.

Здесь — широко и разнообразно живущее Инь, не только и не столько тёмное-холодное, но — присваивающее, созидающее, изнывающее по нескончаемости и принимающее конечность бытия. Все эти волосы, нитки, ткани, утварь и гобелены, бельё и духи, бусы, кровать, свеча, занавески, дом во всём его составе («речные волны, как волосы, шёлковы и легки, связывающие тело и небеса»)…

И на этом чудесном, соблазнительном — не игриво и легкомысленно, но обязывающе и очень серьёзно влюбляющем в себя — фоне фактически в каждом тексте делается открытие. Подмывает сказать — «маленькое». Но опять нет. «Смертность, конечно, сродни невинности» — разве это открытие мало? А это, о раковине — «обманно манящая перламутром не в темноту, а — из, не тонущая, нет — плывущая вниз»? Какой стремительный и точный взгляд! Или — «время сотрёт не тебя — только твои черты, как ласточку на лету»… Восхитительно!

Есть в этих стихах и какая-то системная незавершённость. Недаром возникают строки вроде «чтобы уплакать и припасть навеки. На пяльцах— незаконченные реки…» Это незавершённость не от неумелости и не от замысла поэта. Это незавершённость, продиктованная реальностью (и сном). И запечатлённая чаще всего без ошибок.

Аркадий ЗАСТЫРЕЦ

Поэтический мир книги Екатерины Симоновой предельно широк — здесь и моря, и дома, и таинственные замкнутые пространства, где, тем не менее, тонка и неразличима граница между внешним и внутренним. Отказ устанавливать границы между миром поэта и поэтом в мире оказывается особым подвигом, жестом отчаяния и надежды одновременно.

Центральный персонаж книги — не лирический герой, но и не отвлечённое «третье лицо», может быть, «я» при взгляде со стороны — женщина, «она», «не взятая ни дочкой, ни женой», но это обманывает, уводит в сторону лишь вначале — перед нами не персонаж гендерно-феминистического дискурса, а проводник — проводница — между наполненной конкретикой реальностью и неуловимыми эмоциями внутренней жизни отдельно взятой — буквально — взятой отдельно от мира — жизнью человеческой души.

Евгения РИЦ

Стихи Екатерины Симоновой всегда были как сад — причудливый, избыточный, барочный, в саду была собственная гармония — и ирония.

Возделывали этот воображаемый чувственный сад исключительно женщины. Сад менялся, в нём появлялись заросшие уголки, неубранные листья, пустоты, сломанные ветки — не в ущерб красоте.

Появилась беззащитность перед стихиями. Глубина.

Татьяна МОСЕЕВА

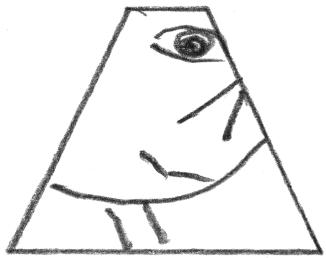
В поэзии Екатерины Симоновой — с годами — внятный и мощный лирический импульс, дающий жизнь стихам, не тускнеет, не затушёвывается, как это бывает, «бытовухой» либо рацио, осмыслением без чувства. Дар, лирический по природе, себе не изменяет. Но реализуется он всё более виртуозными — хотя по-прежнему «воздушными» — путями: расширяется поле зрения (и не только в пространстве, но и во времени); всё острее и слух, и вкус к слову, к звучанию; всё больше тем и вариантов воплощения. Стихи живут сами собой, как бы чернила с течением времени не высыхают. И это, по-моему, главное.

Евгения ИЗВАРИНА

Благодарим Екатерину Симонову за то чудесное отрицание тоталитаризма вербальной реальности и пристальное всматривание в тени вещей, про которые Тютчев сказал, что человеческая жизнь «не дым, а тень, бегущая от дыма». В результате такого недоверия и такого всматривания много чего может появиться на свет — фрагмент реальности, например. Немногие поэты могут этим похвастаться. Луну в воде можно попытаться принять за реальность, а можно, шагнув на неё, уйти в действительную реальность по примеру Ли Бо.

Андрей ТАВРОВ

ФУССИЙ ГУЛАКВЕР



ЕКАТЕРИНА СИМОНОВА

САД СО ЛЬДОМ

РУССКИЙ ГУЛЛИВЕР

Москва
2011

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Руководитель проекта Вадим Месяц

Екатерина Симонова
Сад со льдом. — М. : Русский Гулливер/Центр современной литературы, 2011. — 82 с.

Екатерина Симонова родилась в 1977 г. Окончила филологический факультет Нижнетагильского пединститута. Начала печататься в 1997 г. в составе группы поэтов, получившей название «Нижнетагильский поэтический ренессанс». Публиковала стихи в антологиях «Братская колыбель», «Ле Лю Ли», «Современная уральская поэзия: 1997—2003», журналах и альманахах «Вавилон», «Воздух», «РЕЦ», «Стетоскоп», «Урал», «Уральская новь» и других. В 2004 г. выпустила первую книгу стихов «Быть мальчиком». В 2009 г. выиграла Большой Уральский поэтический слэм. Живёт в Нижнем Тагиле.

ISBN 978-5-91627-060-0

© Е. Симонова, 2011
© И. Бабушкина, обложка, 2011
© Е. Баянгулова, фото, 2011
© Русский Гулливер, 2011
© Центр современной литературы, 2011

Посвящается трём Е.С.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Зеркальная память (Е.С. от Е.С. Ночные письма)

…Твой опыт — не мой опыт, поскольку и время опыта меняется. Я люблю тебя. Я съела твоё яйцо. Снег в Петербурге. Я умру, но ты мне так и будешь сниться. Не мучай меня так долго. Я знаю, что ничего не могу сделать, просто вообще ничего, всё бессильно, пока жива. Я люблю тебя. Я люблю тебя. Повторение.

…Есть люди, несущие в себе — передающие через себя — несчастье. Это не значит, что они так или иначе открыто несчастны: неизлечимо больны, откровенно уродливы, с детства отягощены багажом трагедии, которую пережили, будучи неспособны её себе объяснить. Напротив, это, как правило, обаятельные, умные, одарённые и успешные, по внешним меркам, люди. Их ядро, бессознательное, природное — усилитель присущего изначально в той или иной степени каждому страха собственного бессилия, которое так велико в них, что не может удерживаться в пределах одной жизни. Именно этот живущий в них, как противоположность дару, усилитель первородного ужаса объясняет их тягу к людям, несущим в себе гармонию. Насколько сильна гармония мира в выбранном ими её носителе? Выдержит ли, сотворит ли, с болью и кровью, себе прививку? Гармония потому и гармония, что едина во всём мире, и если кто-то, ей озарённый так же изначально, как и подверженный ужасу собственного бессилия, забудет об этом единстве, оно обязательно вспомнит об этом первым.

…С одной стороны, мне нужно уйти отсюда, и это — дом-кресло, диван-плато, плед с павлином, балкон и единственное на перекрёстке дерево под ним, пять высохших роз, похожих на крупные опрокинутые маки, ленты старых перламутровых обоев, как отвороты воротника, с треском всё глубже раскрывающие холодное горло стены, картина учителя композиции, найденная в кладовке — всё это сейчас пустеет, давая выдуть нажитую душу.

С другой стороны, опомнясь, я говорю: — Боже, я поняла, что за озеро— искрящееся, спокойное, чистое до умопомрачительной глубины дна — было явлено мне навстречу. Уже бесконечно счастливое — ощущением себя неостановимой, незамерзающей частью стынущего мира, не знающее надежды быть узнанным любым человеком. Но я сама, рыдая, теряя от боли и страха память об устремлённой ко мне любви, молю о спасении — сохранении — длящегося дыхания. Не отыми от меня возможность снова и снова вспыхивать сиянием нашей близости.

…Успокоилась. Поняла: пребывать в красоте постоянно не получается не потому, что недостаточно воли или денег, а потому что лето кончается всё равно.

…В балконном ящике с лебедой распустился цветок, небольшой, терракотовый, сердцевинка жёлтенькая, яркая. Форма лепестка — как след лапки утёнка. Я хочу сказать, что простить тому, кого любишь, его невымышленность, это как выплакать все глаза, сносить сто сапог, испить мёртвой воды, очнуться от брызг живой. Со стыдом вспоминать о муках — о радости вымысла без стыда.

…Непрерывности, не непрерывного ужаса. Приснилось, что я долго-долго плачу навзрыд в кафе. Это самое лучшее, чтоб ненадолго выйти из тьмы непрерывного ужаса. Из-за того, что вплотную подобралась. Реальность, ото лжи почти сон, отчётливей и отчётливей. Задыхаюсь от страха. Поняла: убивают, когда подбираются к их одиночеству. Страх за свою свободу, понятую как осознанное безумие. …В сторону человечности.

…Больше всего — промежуток весны между сияющим таянием и листьями, когда краски — земля, асфальт. Сухо, пыль, приглушённый пепельно-золотистыми облаками солнечный свет чувствуешь, как впервые.

…В дорогом магазине висело очень нравящееся мне серое полупальто. Шли годы, рушились здания и судьбы, я переезжала, пальто висело. Теперь оно будет со мной, только со мной, всегда, потому что мне больше не будет холодно.

…Произошло смешение городов. Похожим на Петербург может быть только родной город. Смысл ощущения — в утробе, в единственной естественной и изначально родной среде, в необыкновенно густом, любящем пространстве, дающем жизнь, обволакивающем, оберегающем и обладающем памятью — твоей. Я говорю (говорить означает дарить себя), и на смелость сказанного благодарно отзывается, включает меня в непрерывное, будущее вращение эта утроба, мир. Боль ощущается мной тогда, когда бывшее мной и отданное мной само разрывает со мной связь, чтобы стать собой.

Нижний Тагил — Санкт-Петербург — Нью-Йорк
Елена СУНЦОВА

вдох —

** * **

Она плачет в твоём сне
Разливая волосы по воде
Развешивая волосы во дворе
Они сохнут и хлопают на ветру

Волосы заполоняют сад
Свешиваются вниз как виноград
Гладкие как ламинат
И уползают во тьму

Держишь светильник на уровне глаз
В волосах которые придумал Шварц
Или Ларс
Круг света нло или баркас

I. Аркадия

* * *

Когда договорю вернётся слово
Укроет снегом и её рукой
Укроет снегом и покинет снова
Последствия оставив за собой

Такого вероятного испуга
Такого невозможного лица
Терзающего память в виде круга
В конце земли а значит без конца

Что может быть то может и не сбыться
Но цель молчанья видишь ли ясна
Речь сохранив читаем: сохраниться
Во сне деревьев и деревьях сна

* * *

и за руки держась почти как дети
в знакомый город медленно войдём
где снег скользит как бетти по паркету
летит как пудра с парика делорм

и рыбы как счастливые монеты
где по одной а кое-где вдвоём
смотри застыли под водой до лета
и ты расскажешь мне потом о нём

пока же как в кармане бутерброд
друг к другу просто жмутся наши тени
ведь впереди нас точно что-то ждёт

судьбы пытая краткое терпенье
как рыбы спим пока не треснет лёд
вморожены в начальное мгновенье

Качели

1
в юности качаются на качелях
становится понятно это любовь
держатся за руки будто держат в руках
перепелов

прекрасны потому что следующего дня
для них ещё или уже нет
солнечный луч падает между ними
как ланцет

2
словно листаешь страницы книги:
зима весна лето снова зима
пропущенная страница
женщина расчёсывает волосы у окна

ангелы качаются на ветке
как позолоченные голубки
на заднем фоне должна быть лютня
но почему-то молчит

3
волны времени лёгкая белая ткань
рвётся всегда там где темно
в старости начинаешь иначе ценить детали
крутится память весёлым веретеном

мальчик качающийся на деревянном коне
девочка вышивающая белый ковёр
иголка в такт песенке вверх-вниз
жизнь повторяется как на ковре узор

* * *

но я не знаю что там будет дальше
тебя во мне ещё не родилось
и Случай спит обняв земную ось
и хитрый бог пока муслинит пальчик

над этою страницею без лажи
пока тебе там места не нашлось
ты обдираешь винограда гроздь
и сквозь стекло дождя кому-то машешь

ненастоящая но всё-таки почти
живая точно бабочка в горсти
совсем не видно но ладонь щекочет

и что случится в общем всё равно
всё что случится это лишь кино
где жизнь и смерть всегда любви короче

Гобелены. Зеленый триптих.
Сон, смерть и пробуждение

Гобелен первый. Левая половина. Спящие

мальчик пинает коленкой серебряный воздух
разбрасывается лентами намекает
прикладывает палец к губам
с недошитого края

второй натягивает тетиву
поблёскивает золотым шнуро́м
кажется не мальчиком а круглым котом:
щурится и поджидает

возлюбленному не хватает красного рукава
её наготу не прикрывают павлиньи цветы и листья
оба спят, поскольку ковёр не закончен
пять столетий им ничего не снится

Гобелен второй. Середина. Охота на оленей

кожа дождя
облипает вторым телом
проваливаешься в него
теряешь своё тело

так повреждённый файл
виснет посередине
между молчанием и
сахаром сахалина

олени внутри воды
придуманные до нитки
выключены как вещь
с перегоревшей вилкой

Гобелен третий. Правая половина. Цветение

яблоко падающее ей в подол с ветки
над его опущенной головой
в её потайном саду зелёный красный
и золотой

гвоздики врастают в следы туфель
куропатки и кролики говорят о любви
её рука вплетена в отсутствие перспективы
как ни смотри

* * *

глядя на красивую вещь, ощущаешь грусть,
не потому, что не принадлежит тебе,
но оттого, что вытвердить наизусть
не получится, как отражение в лунной воде

не захватить в рыбные сети, не смешать с песком:
песок утечёт, останется тень её —
уже не тебя, потому что как же назвать лицом
кувшинки, скрип лодки, течение дня за днём.

и, разомкнув ладонь, наконец отпускаешь себя,
время скользит сквозь в серебряной чешуе,
шевелит ленивым хвостом, будто бы говоря -
всё хорошо, и дальше живёт во сне.

* * *

маленькая гавань, прозрачное море.
призрачны берега, потому что нездешни.
прибрежные камни пахнут ветром, то есть надеждой,
сухою мятой, ушедшим горем.

ты говоришь мне: кажется, мы приплыли,
пора доставать узлы, сушить вёсла,
улыбаться глазами, греть старые кости,
на арфу натягивать оленьи жилы.

ты говоришь, говоришь, я же
вжимаюсь спиной в щербатое дерево борта,
не слушая ничего, только бьющие в борт гигантские воды:
если это предел покоя, то что же — дальше?

* * *

…но прошлое раскидывает ветви,
как сад тревожный, ночью растворённый
в небесный сад, где бродят по линейке
созвездия, как белые коровы,

огнями вызолочены изнутри, горят
фонарики в надземных лабиринтах,
свернув ладонь трубой, ты устремляешь взгляд,
горячий, как навощенная нитка,

в необъяснённую ночную высоту,
с которой вдруг срываешься дыханьем,
ты землю понимаешь на лету,
но разумом принять не успеваешь знанье.

Маяк

1
Этот свет в темноте.

2
Брезжит, ширится, становится явственно плотным,
как свёртывающийся белок,
остаётся на месте, покачивается над,
поворачивается вместе с волной,
щуришься, всматриваешься, видишь, помнишь, что
пока видишь — значит, живой.

3
Темнота сворачивает шатёр.
звезды сыплются росой с жимолостного куста.
теперь всматриваешься в приближающийся свет потому, что
бывает страшна не сама темнота, но
отсутствие маяка.

4
Прибой переворачивает камни,
глотает их, выглаживает их,
перемалывает обломки раковин в легковесную сияющую чешую,
выплёскивает прозрачную зелень, янтарь, мертвых рыб,
тяжело утягивает их вновь во тьму.
над головою такая безгласная ночь,
невыносимая, ибо невидимая, высота,
что идёшь по берегу, как по морскому дну.

5
Серые мотыльки летят мимо тебя,
задевают бархатными пыльными крыльями, отряхиваешь рукав,
колеблемые ветром не как свеча, но как
струящийся над песком песок,
струящийся в одну сторону, влекомый не своей волей, но
в этом отсутствии воли особая смертельная простота, читай:
красота.

6
Спасённый, начинаешь видеть не смысл, но
саму жизнь, её маленькое, пронзительное, сладостное тепло:
ласточкино гнездо, тугую смолу на срезах горящих дров,
сахарные кубики в стеклянной банке,
листок мяты, прилипший к ободку глиняной миски
с нелепым узором в мелких трещинках, сам запах мяты,
похожий на запах женских волос ранней осенней ночью,
в нежный пробор утыкаешься глухо,
что-то щемит, нет, не сердце, но что-то забыто щемит и тянет,
вытягивает наружу то, что старательно прятал от себя самого,
поэтому невозможно долго смотреть сквозь
это увеличительное стекло:
оказывается, если долго смотреть на свет —
хочется обратно в темноту.

7
Внутри всё оказывается совсем не так, как снаружи:
пространство меньше, а звуки моря глуше,
только лестница уводит вверх, поскрипывая, покачиваясь, как лодка,
уводит туда, где свет.
но тем, кто внизу, свет не виден, значит,
его нет.

Дом

Дверь

выходит в сад промёрзнувший до треска
сучков стекла
вода потрескавшись как фреска
не видит дна

неспешный сад внимает невниманью
в прозрачной мгле
снимая с пальцев облако дыханье
меня нигде

Окно

показывает тебя таким
каким себя видишь только ты сам
сквозь лицо явственно
просвечивает что-то другое:

пустая дорога мокрые фонари
листок прилипший к стеклу — то ли
такая тоска подходит
неслышно погладить по волосам

Стены

дерево краска всегда пахнут домом
поэтому каждый дом кажется немного знакомым
засыпаешь касаешься стены во сне
как новую обувь прилаживая по себе

под рукой камень становится тёплым
дерево мягче точно глубокий шёпот
всё меняется но не вокруг а в тебе.
и ты улыбаешься во сне

Крыша

страшнее всего потому что всего дальше
выше твоего роста выше привычных с детства акаций
на крыше можно молча курить и казаться младше
чем хочешь казаться

можно обнять кого-то но лучше не обнимать никого
это «можно» пугает больше всего
учительским пальцем грозя
потому что внизу привыкаешь к тому что нельзя

* * *

она начинает считать с конца
листья на самой высокой ветке рябь на воде
за ветром и волосами не видно её лица
где ты моя дурочка где

твои кружевные штанишки твои перламутровые пуговки карандаши
обгрызенные как ногти зелёные как трава
в которой цветёт земляника над которой снуют стрижи
слава богу все мы уходим туда куда

в воздухе слаще малинового киселя
вязнут мухи как в малиновом киселе
она ни слова больше не говоря
качается на качелях как в петле

* * *

волосы становятся длиннее реки,
из вышитого воздуха выпархивает стрекоза,
речные волны, как волосы, шёлковы и легки,
связывающие тело и небеса.

вдох прорастает холодней и прозрачнее декабря,
выдох — глубже самого детского сна,
теряя речь, самого себя
видишь будто бы сверху, из башенного окна:

внизу ветер колышет развешанное бельё,
древесные тени, белые наволочки, красные рукава,
молчание всегда неизбежно, потому что всё
имеет свой срок, тем более, слова.

* * *

Т.е. не стоит произносить вслух
Произнося теряется смысл невинного
Этому верить хочется милый друг
Смертность конечно сродни невинности

Где перепутаешь верх и низ
В этой аркадии точно названье неточное
Тихо на воду слетает лист
Кассиопеи и козероги кажутся точками

* * *

книга дочитана до середины
значит не дочитана никогда
она засыпает растворяясь во сне
как кубик льда

ей ещё неизвестно что
у всего есть оборотная сторона
падать легко только если полёт
не длинней листа

она не удивляется тому
что не удивлена
отсутствие смысла и есть смысл
точнее реальность сна

* * *

Птица, круглая, как рыба,
Ах, луны воздушный шар,
Всё летит, чтоб измениться,
Всё меняется, дыша.

В дутом розовом флаконе
Помещается душа
Холоднее, невесомей
Кромки острого ножа,

Но, поддев тугую пробку,
Чувствуешь дубовый вкус
Смерти, дробный, будто связка
Рассыпающихся бус.

* * *

видишь всё будто бы заново, точнее, не как вчера:
брошенный сад камней, гулкая пустота,
сияющая вдалеке, рассыпающаяся под ногами,
пустые сети кажутся волосами,

колеблемые ветром, пахнущие зелёным и синим,
русалочьей сыростью, упругой рыбой,
мерной водой, доходящей до самых ступеней,
тихим житьём, в которое проваливаешься не по колено —

по самое не хочу, без единого плеска,
лёгкая раковина, оборванная леска,
обманно манящая перламутром не в темноту, а — из,
не тонущая, нет — плывущая вниз.

* * *

уходишь на дно, не успев допеть,
пузырями надутые рукава,
больше тебе не ждать, терпеть,
перестилать кровать,

больше не нужно во тьме освещать окно
бледной свечою — треснувшее стекло —
жадная память твоя — густое вино,
раздавленный виноград.

нежность моя, это уже не ты,
тёмные занавеси колеблются на ветру.
время сотрёт не тебя — только твои черты,
как ласточку на лету.

Башня

но, падая, паденьем изумлён,
ты вдруг настигнут красотой момента,
развёрнутого перед тобой, как лента,
и смятого, как стопроцентный лён.

и, красотою этой возмущён
(ей хорошо без имени и тела,
рассыпавшегося, как огрызок мела),
ты раскрываешь рот, как медальон —

крик падает, как девочка в нору
за кроликом с дурацкими часами.
падения хватает на рекламу
того, что нас не будет ждать внизу.

II. О!фелия

1

Офелия всплывает на поверхность,
раздутая, как шар земной,
как верность,
не взятая ни дочкой, ни женой.
Бумажный саван хрустнет в пальцах словом,
прилипнет завитком ко лбу,
готовым
войти в историю. Я позову
Тебя, плывущую по интернету
с ногами грязными, в крови,
про это —
конкретнее: так кто кого? — лови,
в неявном смехе запрокинув кверху
антенны, щупальца дорог
и перхоть.
О, угловатая, как белый дог!
Голодная, с солёными зрачками
и языком. Я вижу дверь
очками
в тебе, трава, придуманная твердь
чужой воды —

2

Земли и губ
шершавое кино
черно
как дно
твой скользкий гласный
пой
не пропадёт
я высосу его
того
приму в себя
последним выдохом
твоим
и видом
гидом
в болотине местоимений
в хрусталиках грудей
острящих и язвящих
и ненужных
и видящих во тьме
убей
засахаренный шёпот
бархатный восток
песок
любви
уйди

3

Конечно,
Обломится тень, как сучок —
Ты зальёшься смолой,
Липким потом
Прозрачного страха
И, заячий дёрнув зрачок
На подводный курсор
В этой глине,
Не выжав рубаху,
Сойдёшь без свечи в темноту,
На ветру прошуршав,
Как осока
И лист в рыжей гриве,
И осень опустится тут
В твой предсмертный ландшафт —
Тише, чижик —
В неФинском заливе.

* * *

линии тела называются: ванильное молоко
тёплый кофе шёлковый оборот веретена
во сне ты снова запомнишь меня другой
т.к. память во сне не больше зерна
и беззащитнее памяти только она сама
в темноте лет запутавшаяся, как в словах.
так начинаешь казаться тем, чем никогда не была —
Мальчиком без занозы, Девушкой без весла

* * *

И плыть, и течь — и вверх, и вглубь, и мимо.
Но в сумрак — облаком, жемчужиной — на дно,
Чтоб с кротостью — увы, неисцелимой —
Речные волосы — не ил, а полотно.

Прощать и никнуть — стебель под росою.
Цветочком, пёрышками память губ вести,
И горе — с мятою, с грехом, с корою —
Вдыхать, как опиум: где родилась — гости.

И глаз зелёный цвет солён и тёмен.
И выточат алмазные зубцы часов
Путь для меня — сквозь гул каменоломен,
Через вину и милость свадебных даров,

Чтобы уплакать и припасть навеки.
На пяльцах — незаконченные реки.

* * *

Простоволосая, почти не к месту, жалость.
Душа — к ладони, в лебеду-печаль.
Некалендарный снег. И безголоса малость
О нежности неловкой: чаю дай.

Прижать к себе. Помстится белый север,
Пушинку с уст чуть близоруко сняв.
От незаметности устать и разуверить
Себя и доморощенный устав.

* * *

Похожая ты кажется солжёшь
Хотя я не уверена и всё же
Не мне решать когда ты вновь придёшь
Я выползу из погусевшей кожи
Из тени на оставленном полу
Несероглазая опять больная
Твоих бровей последнюю черту
Бестрепетно почти переступая
Луною надрезая тополя
Где ты где я давно не понимая
Начнётся осень с полного нуля
Похожая прохожая чужая

1

Утопленницей, а не утопистом
Ей выгоднее быть в любой из жизней —
Вокруг неё одни вуайеристы,
Ей всё понятно: что-то здесь нечисто.

В красивом платье цвета гуайявы
Она молчит с закрытыми глазами,
И сквозь растут последствия и травы
Серьёзней, чем роман Акутагавы.

Она мудра, и в этом вся загвоздка.
Она молчит, как Зоя-комсомолка,
Где в авторских руках н(е/у)жнее щёлка.
Мудрить легко, а вот дурить не (с)только.

Она мудра, пожалуй, даже слишком,
Назойливо ища под мышкой шишку,
А не мужчину — мать твою, ледышка!, —
Себя обняв, как плюшевого мишку.

2

Удобнее, дойдя до середины —
Зачем же жизни? — хоть бы половины,
Истории направить руль и шины.
Она мудрей своей Не-Половины.

Заговорив, она удачно смылась,
О!фелия, готовая на силос.
Есть многое на свете, что не снилось.
А что приснилось, то договорилось.

Титры

плывущая на дно почти нетерпеливо
как смятая фата или такая рыба
плывешь гип-гип одна и рядом нет с тобою
о ни того кто был ни вопля козодоя

остались позади котяты и утяты
корявые стихи и папы аты-баты
и мальчиков твоих нечистые манжеты
и мальчиков чужих тоска и эполеты

и это хорошо а значит бог с тобою
и ты плывёшь во мгле не рассекая волны
но растворяясь в памяти как крайность
земной любви (.) здесь точно не осталось

нисколько лет за губчатой спиною
но есть вода и чайки над водою
где титры не финал но дивное начало
смешаться в тишине с песком ей-ей немало

и кости оголив ты принимаешь время
безвременье вобрав в себя как взгляд и семя

* * *

она лежит на дне как пуговица или
как пуговица дна
далёкий свет. некруглая луна
сквозь дырочки видна

сквозь волосы царапая предплечья
плывут мальки и волосы живут
травей травы страшней молчанья
и любовных пут

она не слушала но слышала она
хотела не всего чего хотела
лишь потому что неразумней тела
(девичество предательно как брут)

девичество уставшее от тела
бессмертию расставленная сеть
она его посмела
не стереть

Офелия спит

Женские рифмы

Она кажется себе роковой малолеткой из фильма люка бессона
Кулаки в карманы розовый пузырь бабл-гама
Слишком большой свитер обязательное отсутствие маникюра и мамы

Главная задача до наступления рассвета взбирающегося по склону
Спасение китов индийские парные танцы завоевание радиоэфира
Под лозунгом «даёшь ударное спасение мира!»

Она поворачивается во сне на другой бок меняет угол обзора
Взгляды на жизнь личного парикмахера постер белёсого ирландца
На рыжего датчанина — на правах последнего шанса

Мужские рифмы

своему имени она остаётся верна до дна
оно поднимается к небесам
выпотрошенное как пиджачный карман
сложенное пополам
бледнее и мягче чем губы Ло
накрашенные бордовым пахнущие ласкательным леденцом
руки в цыпках а во рту темно
она кажется идиотским птенцом
на любой фотографии сбоку в кругу семьи
отец заграничный брат мёртвая мать зимние дни
рукавом вытирает нос ботинки в грязи
никогда не пробовала икры и маслин
но ей хочется впрочем не знает чего
чтобы дарили игрушки или бухло
чтобы от этого становилось именно там тепло
она не узнает как ей свезло

* * *

не оборачивайся, время течёт сквозь,
как солнечный свет, стекая с шипов, роз,
тянется нитка, долгая, как судьба,
зеркальная память, уводящая никуда.

тоска не короче твоих волос,
поэтому для тебя любой сад полон папоротников и ос:
жалящая любовь, обманный круговорот —
отпустит, подует на крылья, опять заберёт,

сыграет с тобою, как детская гопота:
оборвёт лапки, усики, бесполезное тело оставит, не их вина,
что ты слаб, точнее, что ветер не так силён —
не унёс с собою, оставил, всё.

* * *

И я просто перестаю искать в темноте —
Дрожащий светильник, расплёскивающий огонь —
Безоглядную тяжковолосую смерть,
Протягивающую египетскую ладонь.

Прощают — прощаясь, точней, забывая ко сну,
Память о тебе — снятое платье, запылившееся за день,
Солнечный день, которого не вернуть,
То, чего не вернуть, должно утонуть в тишине.

Поэтому укладывают, поправляют, как ошибки в письме,
Прозрачный покров, жёсткие от вышивки башмаки,
И покидают, становясь всё дальше, чем ближе ко мне —
На расстоянии вытянутой руки.

* * *

замёрзшее слово пытаешься отогреть во рту,
как монетку, ту самую, медную, светящийся снег падает мимо тебя,
ты прижимаешься дыханием к стеклу
с деревянным лицом тонущего корабля,

смотрящего не вперед — запрокинутого вверх:
последнее, что увидишь — звезды, поднимающаяся вода,
милосердно не давшая вспомнить тех,
кого ты любил, не ждал.

* * *

но такая печаль настаёт и смежает веки
белые львы читают считают реки
в которых ты полощешь свои маленькие руки с букетом
ещё не на том но уже под электрическим светом

бессонные ночи стали давно называться днями
за что мне эта глухая печаль эта дикая память

ты же сто лет мне никто — да ведь? —

рассеянно пропуская водоросли сквозь пальцы
головою качаешь с полоумной улыбкой китайца

за музейным стеклом с картонным номером слева
разрываешь мне душу как ненужную плеву
я тебя не верну я себя уже не жалею
именуя прямо вот здесь как в насмешку евой
задыхаясь хрипящей дырою не рта но зЪва

* * *

и когда душа пузырьком устремится вверх
сквозь толщу воды прожитых лет,
бережно мою тень отводя с лица,
пробуя — на глазок — тугой свет,

смерть вскроет твой устричный панцирь, о,
в котором бессмысленная нагота
похожа на тебя так же, как на цветущий лён
похоже вот это вот платье, сшитое для тебя,

надетое на тебя, как панцирь сна,
затканный девичьим голосом, как серебром,
поющим под опустевшим окном,
но всё равно для тебя одной.

* * *

жуки-короеды прячутся в твоих волосах
бабочки вспархивают с живота
пчёлы собирают мёд круглого рта
телом давно уже стала трава

любима потому что выдумана до
папиросной бумаги ступней
как ящерицы или солнечный свет
вытянувшихся на тёплых камнях дней

твоя насекомая жизнь легче чем
ветер подкидывающий пустой пакет
поэтому любые мои слова
в итоге становятся прекрасным ничем

III. Ночные письма

* * *

Ночной веранды тонущий кораблик
Пока живёт. И, вглядываясь в злую темноту,
Она повыше лампу подымает,
И осень замирает на лету.

И в глубине израненного сада
Складные лапки всех жуков и жаб
Блестят, как ножницы, как звёздные заплатки
На времени, глухом, как чёрный драп.

О, шелест ласточек с намокшим опереньем,
О, сладкий запах керосина и разбухших рам,
Застывших в водяном оцепененьи,
О, голая трава, напополам

Распластанная, будто рыба
На кухонном бесчувственном столе,
Отчаянье поваренною книгой
Раскрыто, но записано нигде.

К тебе твои любимые вернутся,
Но не твои, поэтому — твои.
Ты думаешь — они не отзовутся,
Но имени не нужно для любви.

* * *

Слышишь ли ты ещё меня на том берегу
Под чёрным зонтом, в мокрой траве,
Пёстрая кошка рядом с тобой
Вылизывает бока и хвост, подходит к тебе,

Вода прибывает, приближая к воде
Мосты, горящие фары, гуденье барж,
Потом уходит, возвращая себя себе,
Оставляя медленный воздух, пустой пляж,

Раковину, закрученную в долгую тишину,
Подобную той, что внутри тебя
Сворачивается глухим кошачьим клубком.
Ты тоже уходишь, ни слова не говоря.

очки в большом городе

1

37-я улица и пятая авеню
холли голайтли выходит из жёлтенького такси
разламывает булочку бриллиантовая пыль
сахарная пудра нью-йоркское конфетти

холли голайтли снимает черепаховые очки
скрывающие её настоящее лицо
(ч/б глянцевое — не её)
мы не увидим его как задумано камера далеко

холли голайтли видит в витрине пудреницу из серебра
рассеянно стряхивает сахарную пудру с манжет
холли голайтли счастлива когда она —
маленькое чёрное платье и жемчужный браслет

2

холли голайтли хранит телефон в чемодане
вытаскивает чемодан из-под кровати
мнёт юбку теряет шейный платок
опаздывает (шучу) на каток

чемодан пахнет как дорогие ботинки
как мужчина как глянцевая картинка
холли гладит его по холёной щеке
уплывает по лунной реке

снова снимает свои рэй-бэн
роняет грязный бокал упускает момент
шёлковые чулки висят на спинке кровати
(на сегодня пожалуй холли голайтли хватит)

* * *

Женщины всегда желанны
Плоят кудри варят на завтрак манку
Вытягивают губы говорят ам
Я тебя никому не отдам
Отдают на следующий день
Сгоняют точно кота с колен
Потому что они желанны
Набирают себе большую ванну
Закалывают волосы повыше
Чтобы куда целовать волос ниже
Расслабляются закрывают глаза
Неверные как бирюза

* * *

Елене Сунцовой

Летя дворами и домами,
Ломаясь в свете фонарей,
Снег со спины казался нами,
Невинно пьющими эрл-грей;

Мигание жужжащей лампы
В смешном фонарном колпаке
(Его придумали мы сами),
Ладонь на глохнущем стекле,

Как маленький неспящий город
На карте призрачной страны —
Невыносимее любови,
Пятиконечнее звезды.

* * *

Простые вещи привязывают нас прочнее.
Когда находишь для вещи имя — теряешь ей цену.
Простые вещи — это твоя любовь, к примеру.
Простые вещи: вдвоём засыпать теплее,
На двоих заваривать чай, лечить простуду,
Просто вдвоём молчать, носами друг другу уткнувшись в шеи.
Простые вещи всегда называют чудом.

Осенний сонет

Вот снова приготовлена для лука
Чулочная пустая долгота,
И ждет садовая — в полоску — немота
Морозного и яблочного стука.

Вставать без двадцати семь — что за мука!
А лучше б булочку да на руки кота…
Одноизвильная святая простота
Кемарит, точно маленькая скука.

Скукоживая мысль сухим листом,
Ободранным — до наглости — хвостом
Виляет ветер. Осень фонари

Размазывает в сумерках, как масло.
Лишь облепиха колко не погасла.
Допив ночь молоком, договори.

* * *

Сколько себе/тебе не тверди — не ленись выкаблучивайся старайся
Такая скука дорогие мои какая скука
Проглядишь все окна до дыр перецелуешь все пальцы
Ничего не меняется и бежишь как цирковая пони по кругу

Не то чтобы теперь каждый сам за себя но только
Кто-то уходит совсем кто-то служить отчизне
Сие означает поехать в гости к Сунцовой похожей на польку
Она знает больше чем остальные слушаешь и облизываешься

Ну что тут добавить привыкнув играть в молчанку (всё-таки осень)
Невеста без места царапаешь по стеклу и что-то находит под вечер
Потому что есть вещи которых не следует делать вовсе
Говорить правду и Лен обнимать за плечи

* * *

Женщина сваливается на голову как яблоко
Моешь его, отрываешь листочек, разрезаешь на две половины
Твоя половина моей слаще, поэтому
Достаём следующее из корзины

Запах садовый тяжёл как запах любви
Падение яблока, как женщины, есть стремление к золотой середине:
Ещё не пустив корней, но уже у твоих ног
В траве и глине

* * *

ощущение было расплывчатым но важно что было
кажется дождь в субботу играли в карты
у тебя лицо вот только сейчас из-за парты
хочешь еще пива?

от губной гармошки губы щекочутся тоже
ритм опять не выдерживаю хотя что он лошадь?
тот кто родился с серебряной во рту ложкой
говорить не может

* * *

в нас прорастают странные вещи
мы начинаем говорить меньше
в разные стороны смотреть стоя у одного окна
хрупкие как застывающая вода
рукавами едва касаясь друг друга живущие молча
мы становимся дальше и кажемся тоньше
как разглаженная в книге фольга
память о нас в нас умолкает, да

* * *

Женщина которую любишь всегда неправа
Её тело — это твои слова
Косноязычные от того что всё так как есть
Она умолкает ты умираешь
весь

* * *

Холодное лето внутри тебя.
Город спускается вниз,
как ощущение дождя,
выползшая на карниз

кошка, шумящий пустой мешок,
тлеющие бычки,
люди, летящие, как песок,
невыносимы, легки.

И отпускает на миг, где
воздух пронзительней стрел.
Ты просыпаешься вновь во сне,
крошащемся, как мел.

1

И дуешь в виртуальную дуду:
«Иду, мои любимые, иду».

Придумав жизнь, как выход из метро,
Сентиментальную, как старое кино,
Обрезанное после середины
На самой увлекательной картине,
Где он, она и чёрное пальто
Подходят к поцелую, но —

2

Милые мальчики, значит? милые мальчики твои
плывут в поднебесьи, как детские корабли,
завираясь, наивные, стыдящаяся морковь,
повторяясь/штампуясь, как окна ночных домов,
острыми скулами и глухими френчами.

В этом городе, говорю, да, терять нечего.

3

Этот текст освобождает меня, запомни меня такой:
Далёкою, долгою, розовой, голубой,
Ненастоящей, как уличный свет фонаря, совсем другой,
То есть самой собой.

Ночные письма

1 (заграница первая)

грин-карта уайт хорс ноу рэд старз
пинк панк пинк флойд
пинг-понг
майкрософт ворд как уорлд
гуд френдз блу гайз энд бонни блу

Ай эм уоз борн. Май лайф из лайт.
Май нейм из балерина Лена. Май харт
вери биг, горячее, как БигМак.
Май поемз бьютифул, как флауэрз или скай.
Ай эм глэд ту си ю, Нью-Йорк,
Нью-Йорк.

2 (настоящее. вторая бутылка белого чилийского)

Оранжевые огни по ночной реке
плывут вниз.
Одноразовые зонты у входа в метро
(чёрные, 5 баксов, продаются охапками, как цветы).
Не знаю, чего видят больше сквозь камеру мои айз:
лестниц или воды.

3 (немного эмигрантское)

…у бессонницы здесь совсем другой смысл.
как у любви

* * *

отражение выпадывает как ты
с перехваченным горлом вылавливая темноту
из города висящего вниз головой
как безнадёжная кукла, парчовый куль.

оборачиваешься, спотыкаешься, оборачиваешься опять —
скрипучий флюгер, жалобная жесть
вода ветер снова улицы и вода
помогают дальше дышать, ненавидеть, видеть, терпеть, вертеть.

только время тебя настигает во сне,
дует в тебя, как в невесомую бересту,
выдувает пух, перья, сожаление, похожее на
чеховских девочек завязывающих ленточки/умирающих на лету

Колыбельная Гумберта Гумберта

Елене Баянгуловой

Спи пока в море тонут *ангели* и таблетки
Буду тебе папой-мамой будешь и ты козеттой
Спи пока ночь станет величиной с салфетку
Спи пока спится и сон за щекой с конфетку
Спи и надейся надежды верны детям
Девочки тени скользят по лицу как сети
Спи обнимая за хвост непонятный ветер
Спи наплевав на меня я буду знать об этом

* * *

Нежная лена наливает вина
Далёкая лена садится читать
Долгая лена сегодня одна
Она уснёт, не пойдёт гулять

Не выпьет вино, уронит бокал
Стеклянную птицу на тонкой ноге
Лене приснятся зигзаг и овал
Странные вещи снятся ленам во сне

Долгое море колышет их слух
И лены придумывают себя волной:
Нахлынет отхлынет оставит соль
Сомнений: с тобой ли она, с собой?

* * *

надежда прекрасна, потому что проста,
поэтому просыпаешься на её плече
светлою дурочкой социалистического кина,

с глазами прозрачнее, чем стакан воды,
отдыхающей не то чтобы от себя —
от сна, потому что даже сны
белее свежевыстиранного белья.

* * *

Фотографируются на память, говорят, молчат,
Осенний воздух намазывая на бутерброд,
Ольга заваривает чай,
Ирина к чаю зовёт.

Время закутывает дом в шаль,
Ложкой позванивает в стакане, целует в лоб,
Складывает простыни, дни в расписной ларь,
Вздыхает, как спящий кот.

Дождь перечёркивает окно,
Как бумажные полосы, крест-накрест, и
Мария выходит в гаснущий коридор,
Не зная того, готовая к смерти так же, как и к любви,

И вот, в проёме между светом и тьмой двоясь,
Она оборачивается, невидимая ни для кого,
И только раз по-настоящему видит тебя,
Видящего её.

— **ВЫДОХ**

** * **

Но ласточка летит в пустую башню
И по реке плывут в душевности травы́
Любимые задушенные наши
Конечно общие. По свисту тетивы
Я узнаю тебя неверность цели
Я проверяю ритм. Нас чудом случай спас
Мы не дойдём до сцен и до постели
Мы отданы любви непросвещённых масс
Я автор ты придумана экскъюз ми
Как девушка молчи как миф но я всё жду
Твой этот взгляд горгоны и медузы
Твой этот сад со(ль)дом где я плыву во льду

ПОСЛЕСЛОВИЕ

С тобой и с собой разговор

Этим буквам 5, 50 и 500 лет одновременно (одной купюрой). Здесь— тут — всё игрушечное: и Бог с маленькой коммунистической буквы, и Марсель Пруст с потерянным его именем, и старческое бормотание Катеньки Симоновой тет-а-тет с Екатериной Викторовной, ещё и не родившейся. Когда в пространство текста входит вполне очевидный Кузмин, уж думается и предполагается, что вот она — ты, Катюша! Ан нет — только тень отпетой Эвридики мелькнёт у самого выхода не пойми откуда или из чего, и «за ветром и волосами не видно её лица»… Однако ни возраста, ни человека — как таковой. Время и пространство — одно и то же — вещество и возраст. Нет слов — слов нет. А есть лукавое умиление, «потому что всё имеет свой срок, тем более слова». Эвридике же на хрен не нужен Орфей (Эвридей — по Барсковой) — ей себя искать надоть, а где ж её, себя-то, найти? Но «время сотрёт не тебя — только твои черты», поэтому она — ты — и ищет ещё. С собою она так и не познакомилась, ведь «ей хорошо без имени и тела».

P.S.

А уж если проводить параллели или искать соответствий, то формула (не форма!) одушевлённой пустоты Рильке в твоём этом саду «со(ль)дом где я плыву во льду» вполне представима! Этакая нирвана, преисполненная осязаний без сожалений и сочувствий, без чувств, кажущаяся настолько самодостаточной, что даже и любовные паллиативы «Ночных песен» вполне функциональны и временны. Об этой твоей книге не скажешь — «хорошо» или там — «не хорошо». Её можно принимать — и тогда только воспринимать, или нет… как можно соглашаться с ограниченностью Вселенной, или, наоборот, довольствоваться бесконечностью какого-нибудь Рублёвского шоссе. Поэтому искать, Кать, себя в своём отражении— надёжнейший и нежнейший способ утопиться. Я согласен, не зная и не хотя знать — почему… Поэтому спасибо, Кать!

Евгений ТУРЕНКО

СОДЕРЖАНИЕ

Елена Сунцова. Зеркальная память 10
I. Аркадия
«Когда договорю вернётся слово...» 15
«и за руки держась почти как дети...» 16
Качели 17
«но я не знаю что там будет дальше...» 18
Гобелены. Зеленый триптих. Сон, смерть и пробуждение 19
«глядя на красивую вещь, ощущаешь грусть...» 21
«маленькая гавань, прозрачное море...» 22
«...но прошлое раскидывает ветви...» 23
Маяк 24
Дом 26
«она начинает считать с конца...» 28
«волосы становятся длиннее реки...» 29
«Т.е. не стоит произносить вслух...» 30
«книга дочитана до середины...» 31
«Птица, круглая, как рыба...» 32
«видишь всё будто бы заново, точнее, не как вчера...» 33
«уходишь на дно, не успев допеть...» 34
Башня 35
II. О!фелия
«Офелия всплывает на поверхность...» 37
«Земли и губ...» 38
«Конечно...» 39
«линии тела называются: ванильное молоко...» 40
«И плыть, и течь — и вверх, и вглубь, и мимо...» 41
«Простоволосая, почти не к месту, жалость...» 42
«Похожая ты кажется солжёшь...» 43
«Утопленницей, а не утопистом...» 44
Титры 45
«она лежит на дне как пуговица или...» 46
Офелия спит 47
«не оборачивайся, время течёт сквозь...» 48
«И я просто перестаю искать в темноте...» 49
«замёрзшее слово пытаешься отогреть во рту...» 50
«но такая печаль настаёт и смежает веки...» 51
«и когда душа пузырьком устремится вверх...» 52
«жуки-короеды прячутся в твоих волосах...» 53

III. Ночные письма

«Ночной веранды тонущий кораблик...» 55
«Слышишь ли ты ещё меня на том берегу...» 56
очки в большом городе 57
«Женщины всегда желанны...» 58
«Летя дворами и домами...» 59
«Простые вещи привязывают нас прочнее...» 60
Осенний сонет 61
«Сколько себе/тебе не тверди — не ленись...» 62
«Женщина сваливается на голову как яблоко...» 63
«ощущение было расплывчатым но важно что было...» 64
«в нас прорастают странные вещи...» 65
«Женщина которую любишь всегда неправа...» 66
«Холодное лето внутри тебя...» 67
«И дуешь в виртуальную дуду...» 68
Ночные письма 69
«отражение выпадывает как ты...» 70
Колыбельная Гумберта Гумберта 71
«Нежная лена наливает вина...» 72
«надежда прекрасна, потому что проста...» 73
«Фотографируются на память, говорят, молчат...» 74
Евгений Туренко. С тобой и с собой разговор 79

Екатерина Симонова
САД СО ЛЬДОМ

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Руководитель проекта
Вадим Месяц

Главный редактор серии
Андрей Тавров

Редактор книги
Елена Сунцова

Макет, вёрстка, фото на обложке
Елена Баянгулова

Художник
Ирина Бабушкина

«Русский Гулливер»
тел. +7 495 159-00-59
www.gulliverus.ru
russian_gulliver@mail.ru

Подписано к печати 28.01.2011. Формат 140 × 200.
Бумага офсетная. Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Cherry Pie»
112114, г, Москва, 2-й Кожевниковский пер.,12

ISBN 978-5-01807-080-0

«Собственно говоря, лишь немногие живут сегодняшним днём. Большинство готовится жить позднее».

Джонатан Свифт